

ЭО, 2015 г., № 1

© **О.Р. Гулина**. Рец. на: *Этническая политика в странах Балтии* / отв. ред. В.В. Полещук, В.В. Степанов. М.: Научка, 2013. 407 с.

“Этническая горячка” (*ethnic fever*), о которой писал С. Штайнберг (*Steinberg* 1989), потрясла Америку 1960-х, страны Балтии и все постсоветское пространство 1990-х, вновь произошла по Украине 2014 г. и поставила перед нами вопросы о том, как этнические группы открывают для себя свою этничность и какие выбирают подходы и пути для нового осознания своей культуры и “этнического” прошлого. Для понимания этого, а равно для правильной оценки этнической политики, парадигм ее становления, развития и преломления необходимо прочтение исследования “Этническая политика стран Балтии”, оценивающего разные грани этнической политики в Литве, Латвии и Эстонии. Представляется важным выделить следующие аспекты коллективного труда авторов.

1. Тема “угроз”, которые “малым нациям” Балтии несла “большая нация” в лице русскоязычного населения, и пути их преодоления

Важность правильной оценки этнической политики и ее составляющих еще раз продемонстрировали события в Украине. В 2014 г. мы стали свидетелями очередного конфликта интересов на постсоветском пространстве, где произошло разделение страны – Украины – не просто на Запад и Восток, а на Запад и Восток и еще один Восток, который был и остается западно ориентированным. Основой такой стратификации стали интересы и языковые притязания русскоязычного населения Украины. Как мы помним, отправной точкой для активной фазы конфликта в Украине стала, по официальной версии, защита интересов русскоязычного населения. Этнически ориентированное и этнически обоснованное противостояние стало причиной перекройки границ и геополитической нестабильности в регионе. И вот сегодня, как и два десятилетия назад, вновь актуальны вопросы о принципе континуитета в контексте Тартуского мирного договора для государств Балтии, значения Будапештских соглашений во взаимоотношениях Россия – Украина, а равно какое количество лет потребуется “для восстановления государственности” на оккупированных, аннексированных и/или инкорпорированных территориях (с. 66).

Важным и требующим дополнительного изучения является тезис о том, что “русскоязычные пока не могут быть названы сообществом, отвечающим важнейшему критерию диаспоры (отношение к родине)”; как следствие, это ведет к их ориентации “на так называемую новую родину, т.е. на новые независимые государства” (с. 28). Данный тезис представлен в книге авторами двух противоположных точек зрения. С одной стороны, в государствах Балтии мы имеем доминанту гражданской идентичности среди молодых русскоязычных лиц, избирающих ее в противовес этнокультурной идентичности (с. 22, 214), а с другой – в процессе обретения/восстановления балтийскими странами независимости мы наблюдаем “страх русских потерять свою идентичность и культурную самобытность” (с. 60). Видится, что тезис об ориентации русскоязычного населения из государств постсоветского пространства на новую родину мы наблюдаем в значительной мере лишь в государствах Балтии; такого не произошло и не происходит в других государствах бывшего СССР, что требует отдельного рассмотрения данного феномена в дальнейших исследованиях.

2. Языковая этничность как “центральный аргумент по оправданию политической активности” и преодолению угроз “малым нациям” (с. 24–39)

Еще в 1921 г. Р. Парк и Э. Бёрджесс в своей концепции цикла расовых отношений (*race relations cycle*) обратили внимание, что важнейшей/основополагающей предпосылкой для единства внутри группы является общий язык; отсутствие единого языка коммуникации является серьезным барьером (*Park, Burgess* 1969: 360–362). В связи с чем особый интерес вызывает соотношение знания языков для русскоговорящего меньшинства как элемент “восстановления эстонской государственности” в контексте требований недискриминации. Авторы В. Полещук и А. Димитров со ссылкой на немецкого исследователя Р. Алекси описывают особый теоретический подход к языковым требованиям русскоязычных (с. 80). Представляется интересным для мировой гео- и этнополитики то, что литовцы и эстонцы не русифицировались, а сохранили родной язык, изучая русский язык (с. 46). Здесь имел место культурный плюрализм, отсутствовавший на других

территориях бывшего СССР. Тот культурный плюрализм, в понимании Х. Каллена, при котором этнические группы готовы быть лояльными к одной отдельной нации, участвовать в ее политической и экономической жизни, но при этом обладать достаточной свободой, дабы развивать и культивировать свои этнические различия (*Kallen* 1915).

Кроме этого, есть сомнение в тезисе П. Ярве о том, что советская нация по аналогии с нацией американской была построена на основе языка, иными словами, путем “русификации” (с. 39). Конечно, не стоит снижать важность языкового единства на территории СССР, однако нужно отметить, что балтийские страны являлись особой зоной влияния и распространения русского языка, русской культуры, при котором сохранялись “параллельные институты для обслуживания интересов коренного населения” (с. 162), да и в целом тема советских ценностей и идеологии более, чем язык, определяла характер советской идентичности.

3. Историческая память

Нам заново придется оценить актуальность тезиса о том, что “коллективные представления на основании прошлого опыта далеко не всегда являются памятью исторической” (с. 94). Мы уже сегодня в России сталкиваемся с позицией доминирования коллективных представлений и подмены ими реалий тех или иных исторических событий. Хотя, несомненно, “у разных народов существуют свои мыслительные ряды” и их “понимание истории не является изначально ошибочным” (с. 66). Вследствие чего поиск консенсуса и единого видения – или, вернее, видения, отражающего интересы всех сторон, – должен стать определяющим в отношении стран постсоветского пространства. Как верно отмечают В. Полещук и А. Димитров в эссе “Континуитет как основа государственности и этнополитики в Латвии и Эстонии”, “затягивание решения проблем национальных меньшинств имеет свою цену”, которая, с одной стороны, снижает уровень межэтнического доверия, а с другой – выражается “в упущенных торговых и прочих выгодах” отношений с “историческими родинами” меньшинств (с. 61).

Отдельным блоком нужно выделить данный И. Никифоровым анализ исторической памяти в странах Балтии (с. 92–155), которую (память) сам автор определяет как “символический капитал [включаемый] в процесс создания политического дискурса”; этот капитал “воссоздает, подтверждает или сдвигает границы этнических групп” (с. 95). Историкам еще предстоит оценить параллели и связи исторических дат, как то 16 марта, в Латвии (день памяти латышских легионеров) и Крыму (дата проведения референдума о статусе полуострова), или День защитников свободы в Эстонии (13 января), День памяти защитников баррикад в Латвии (20 января) и День героев Майдана в Украине (20 февраля).

Кажется поразительно обоснованным, что мы в 2014 г. вновь стали свидетелями “присвоения времени” (с. 131), когда “вопросы национальных отношений, языка и русско-национального двуязычия” (с. 119) сформировали новый исторический нарратив на постсоветском пространстве. Принципиально важным видится оценка в новых перспективах требований Литвы к России о компенсационных (окупационных) выплатах. Как отмечает И. Никифоров, данные требования безнадежны (с. 139), однако нам не дано предугадать сегодня, каковы будут перспективы требований Литвы и Латвии в свете требований Украины к России о компенсационных выплатах за аннексию Крыма.

4. Анализ политики иммиграции (с. 343–359), института гражданства балтийских государств, их трансформация, а равно само обоснование подобной трансформации в эпоху возвращения независимости балтийских государств (с. 70–85)

Специфика института неграждан в Балтии описана во многих академических источниках. Спорным видится суждение, что трансформацию института гражданства в отношении тех, кто не являлся потомком граждан Эстонской Республики (далее – ЭР) на 16 июля 1940 г., но являлся постоянным жителем ЭР, нужно расценивать как “процедуру легализации нелегальных мигрантов на льготных условиях” (с. 71). Легализация – это процедура урегулирования статуса несанкционированных/недокументированных мигрантов путем получения ими легального статуса для пребывания в стране. Программы легализации нацелены на мигрантов, длительное время находящихся в стране, и, как правило, отрицают возможность получения легального статуса “новыми” *sans-papiers* (“мигрантами без документов”). Ситуация, имевшая место в Эстонии, спровоцировала их одномоментный переход из легального статуса (граждан СССР, проживающих в ЭР) в нелегальный (негражданин нового суверенного государства ЭР) и последующую легализацию путем введения Закона об иностранцах ЭР от 8 июля 1993 г. Данную группу лиц следует расценивать как оседлую группу населения, и потому утверждение о ее легализации как процедуре амнистирования “нелегальных мигрантов” видится некорректным и не отвечающим ее сути.

5. Отдельный чувствительный вопрос – взаимоотношения ЕС, стран Балтии и РФ и влияние этого “треугольника интересов” на гео- и этнополитику в регионе.

А. Марцинкявичюс верно отметил, что вступление в ЕС способствовало “формированию единой социальной идентичности” (с. 214), которая при ряде обстоятельств способна замещать этническую идентификацию. При этом дополнительного исследования требуют вопросы, насколько такое замещение содействует консолидации общества и политического режима стран Балтии, а равно насколько такое замещение разрушает/посягает на идею строительства этнонациональных государств Балтии.

Сегодня актуальны суждения о том, что вступление/приобщение к ЕС может стать “переходом в новое качество”, “освобождением от внешней угрозы” и переходом к новому “конструированию национальной идентичности” (с. 263). В свете событий в Украине ориентация стран Балтии на Европу, а равно последствия данных предпочтений должны быть рассмотрены очень внимательно. Правильно нужно оценить и страхи балтийских государств в отношении проводимой Россией политики поддержки соотечественников в сопредельных странах как угрозы “конституционному строю” (с. 171).

Подводя итог, отметим, что книга “Этническая политика в странах Балтии” ориентирована на широкий круг читателей, заинтересованных в понимании и оценке этнополитики государств Балтии, перспектив и путей самоопределения государств постсоветского пространства в общеевропейских реалиях, а равно подходов и оценок данного пути российскими и западными специалистами.

Литература

- Steinberg* 1989 – *Steinberg S.* The Ethnic Myth: Race, Ethnicity, and Class in America. Boston: Beacon Press, 1989.
- Park, Burgess* 1969 – *Park R.E., Burgess E.W.* Introduction to the Science of Sociology. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1969 [1921].
- Kallen* 1915 – *Kallen H.M.* Democracy Versus the Melting-Pot: A Study of American Nationality. Part I // The Nation. 1915. 25 Feb. URL: expo98.msu.edu/people/kallen.htm.

ЭО, 2015 г., № 1

© С.А. Арутюнов. Рец. на: Л.А. Мосионжник. *Технология исторического мифа* / Отв. ред. С.Е. Эрлих. СПб.: Нестор-История, 2012. 416 с.

Фальсификация истории в чем-то сродни фальсификации кофе: на рынок попадает самый разный продукт в широчайшем диапазоне, начиная от внешне вполне пристойного товара, несомненно натурального происхождения, по всем параметрам настоящего, за вычетом одной малости: кофе декофеинизирован, т.е. из него удален настоящий природный кофеин, его бодрящее и мобилизирующее начало, он незаметно заменен дешевой синтетикой. В случае с историей это некий официальный коктейль чисто пропагандистского значения. На другом же конце шкалы можно иметь невероятное разнообразие ультрадилетантской бурды, состоящей из любых видов обжаренного и милого мусора, и рядом не лежавшего с драгоценными зернами исторической истины.

Подмена более или менее аргументированной науки истории дутой псевдоисторической мифологией ведется давно, хотя и по-разному на разных континентах. Для Африки наиболее актуальны взаимоисключающие мифологемы “бремени белых” и “негритюда”, для тюркско-кавказского мира “тэнгрианский прамоотеизм” и “прямое наследие шумеров”. Для Европы же ведущим является некий обобщенный расистский миф примата Севера над Югом, и он-то в разных видах разбирается в данной книге.

Разбор образцов такого мифа начинается в книге Л.А. Мосионжника с “творчества” наристского преступника и “имперского философа” Альфреда Розенберга и его основной книги